

An aerial photograph of a town nestled in a valley. The town is surrounded by green fields and rolling hills. A river flows through the landscape on the right side. The sky is blue with scattered white clouds. In the top right corner, there is a circular icon with the text "12+".

12+

Ольга Полтаранина

Чётки времени

Ольга Трифоновна Полтаранина

Иван Аникеевич Полтаранин

Чётки времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42368330

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга рассказывает о жизни, быте старообрядцев – кержаков бежавших после раскола русской православной церкви, на остров Ветка в Польшу. Позднее по Указу Екатерины II они были сосланы на Алтай. События в книге охватывают войну, послевоенный период и наши дни. Автор пишет о своих лучших детских воспоминаниях, рассказывает о взаимоотношениях в семье и в обществе, преемственности поколений, любви детей к родителям.

Содержание

Предисловие	5
Дела давно минувших дней	7
Моя семья	7
Баба-Яга («Быль»)	13
Верх-Уба	16
Полтаранины Аникей Федорович и Евдокия Васильевна	21
Приход Советской власти	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ольга Полтаранина, Иван Полтаранин Чётки времени

«...Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет
не останется памяти у тех, которые будут после...»
(Книга Екклесиаста, 1:10)

Предисловие

Проходят века. Исчезают и появляются страны. Перестраиваются города. Сменяются поколения. Вершат дела правители. Меняют судьбы народов.

Рождаются, живут и умирают люди, в суете сует не успевая оглянуться назад. Большинство семейных легенд уходит в забвение. О своих корнях мало кто знает, но рано или поздно каждый о них задумывается.

«Чётки времени» – это мои воспоминания о детстве и юности, о тех далёких временах, когда «деревья были большими», впечатления яркими, помыслы чистыми, слова искренними, а душа, словно многогранный кристалл, вбирая свет, отражала лучами доброты и радостью лучших надежд.

Книга о судьбах потомков старообрядцев, некогда гонимых за Веру на окраину российской глубинки.

Исторические и биографические справки подготовлены и написаны моим дядей, кандидатом исторических наук, почетным профессором Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова Полтараниным Иваном Аникеевичем.

Книга адресована потомкам семьи Полтараниных, родственникам, знакомым, соседям, землякам, а также незримому читателю, который среди океана литературы выберет «Чётки времени» и направит своё внимание к этим страни-

цaм.

Дела давно минувших дней

Моя семья

Родилась я 13 августа 1965 года, в селе Верх-Уба, Шемонаихинского района, Восточно-Казахстанской области¹ в простой советской семье, где папа любил маму, а мама – папу. В семье, где все трудились, не покладая рук, заботились друг о друге, почитали родителей.

В то время папа мой, Полтаранин Трифон Аникеевич, работал председателем рабкоопа.² Мама – Полтаранина Валентина Васильевна – бухгалтером Ждановского совхоза.

В нашей семье проживала бабушка – папина мама – Евдокия Васильевна Полтаранина (урожденная Сергеева, 14.03.1902 г.р.), с которой неразрывно связано моё детство и отрочество. Папа и мама обращались к ней не иначе как «матушка», исключительно на «Вы».

¹ «Списки населенных мест Томской губернии» за 1893, 1899 и 1911 годы стр. 180, отмечено село Верх-Убинское (Лосиха), образованного в 1764 г во Владимирской волости, Бийского округа Томской губернии на реке Уба (приток Иртыша).

² Председатель рабкоопа – первый руководитель рабочего кооператив – торговые предприятия в сельской местности в СССР, в середине XX века. Рабкоопы занимались продажей сельскохозяйственного продукта, приобретением товаров промышленного, бытового назначения и предметов потребления.

Дедушку, по линии папы – Полтаранина Аникея Фёдоровича (1902 г.р.) я никогда не видела. Он погиб на Великой Отечественной войне. Его образ, воссозданный воспоминаниями родных и близких, незримо живёт в моём сердце.

До моего появления на свет, папа и мама прожили в браке семь лет. За эти годы построили новый дом, обзавелись крепким хозяйством, утвердились в профессии, но с потомством им никак не везло – до меня они схоронили четверых детей. Моего рождения ждали как чуда. Любили меня беззаветно.

По законам того времени, декретный отпуск женщины длился три месяца, после которого молодой матери полагался укороченный рабочий день и удлинённый обеденный перерыв, предназначенный для кормления ребёнка. С согласия бабушки, принявшей ответственность за выхаживание внучки, мама вышла на работу.

Родители, занятые в совхозе и обремененные домашним хозяйством, имели не много свободного времени и всей душой использовали любую возможность для общения со мной. Минуты, проведённые с ними, были для меня величайшим благом, наивысшей ценностью, лучшим подарком и теперь, по прошествии времени стали самыми дорогими воспоминаниями.

Наш дом стоял на краю села. Путь в центр был не близкий. О многом можно было поговорить и многое обсудить по дороге. Папа, когда провожал меня в детский сад, часто

читал наизусть стихи. Сказки Пушкина я впервые услышала от него и по детской наивности некоторое время считала их папиными. Пушкин представлялся мне весельчаком и жизнелюбом. Лермонтов с грустными глазами виделся несчастным человеком. Я жалела печального поэта-сироту, выросшего без материнской любви.

Закрываю глаза и слышу негромкий и торжественный голос отца:

«...По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах...»

Традиционно, по субботам, папа брал меня на работу. Вместе с ним мы совершали обход торговых точек, предприятий общественного питания. В конторе рабкоопа, пока папа проводил совещание, мне выдавали лист толстой упаковочной бумаги «крафт» и карандаши. Я рисовала, ожидая отца. На обратном пути мы любили заглядывать в пекарню, где покупали свежий хлеб, за который отвечала кудесница Амалия Адамовна. По дороге домой съедали полбулки.

...Я начала помнить себя лет с трёх. Пожалуй, первый отчётливый момент – огромная лужа, через которую бабушка переносит меня под мышкой с одного берега на другой. Походка у неё не твердая, слабые ноги дрожат, движения не уверенные. Чувствую, как сползаю из её рук. Прошу спустить

меня на землю. Но бабушка велит мне помалкивать, потому как ей «и без того тяжело несть такую взрослую девку в неподобающих башмаках».

...Бабушка Дуня всю жизнь прожила в Верх-Убе и знала воочию не только многих сельчан, но и их предков в третьем поколении. До прихода Советской власти, во время церковных служб, она пела на клиросе³. После революции 1917 года в церковном здании разместили клуб.

Верующих, мягко говоря, советская власть не поощряла. Богослужения в Верх-Убе проводились в обстановке глубокой секретности. Для этой цели использовался дом родной сестры бабушки Дуни – Пистимей – вдовы сына дьякона.

В распорядок дня бабушки Дуни (а значит и в мой) входили гостевые визиты к «любимой сестричке Пистимее», посещения болящих, соборования, венчания, крещения, поминки.

В сравнении с постреволюционным периодом, во времена моего детства, отношение местных властей к религии из жёсткого и непримиримого превратилось в лояльное, но, тем не менее, верующие старались не афишировать своих убеждений.

Папа был коммунистом, занимал ответственную должность. Церковные обряды, в которых участвовала матушка не поощрял, но никогда не показывал виду. Она понимала

³ Выделенное место в православном храме, на котором во время богослужения находятся певчие и чтецы.

его без слов. Уважала партийную принадлежность сына. В условиях строжайшей «конспирации» (да бы не навредить ему) бабушка покрестила меня и мою младшую сестру Любу.

Матушка была не обучена грамоте. Разговорила на характерном для тех мест кержацком диалекте: руки – «рути», ноги – «ноди», красиво – «баско», непослушный – «непослухмянный», низкорослый – «каракалятый», ударить резко (хлыстом) – «жогнуть» ... На церковнославянском языке она читала наизусть молитвы, литургию, акафисты, псалмы. Боловала меня сказками, которые называла «былями».

Находясь под неусыпным вниманием бабушки, к трём годам я многое усвоила из того, что слышала. При поступлении в детский сад, меня попросили рассказать стихотворение или спеть песню. Я прочла молитву, с той же интонацией и расстановкой, как это делала бабушка Дуня. Мои бедные родители были обескуражены. На их счастье, заведующая детским садом Таисия Ильинична внимательно меня выслушала, похвалила и значения инциденту не придавала.

Дома со мной провели беседу о духовных семейных ценностях, которые не следует «выносить из избы».

С бабушкой Дуней мы делили одну комнату на двоих. Перед сном, после «маминой» книжки, я немедленно принималась клянчить у бабушки «быль», заполучить которую было очень нелегко. Порядок был такой: чистосердечное признание и покаяние в совершённых за день «грехах». Иногда я хитрила, изворачивалась, пыталась умолчать или под-

вести объяснительную базу своего непослушания. Но провести бабушку было невозможно. После обязательной «чистки», я получала вожденную «быль» как награду.

Баба-Яга («Быль»)

– Бабушка, расскажи мне сказку, – попросила я перед сном.

– Тебе расскажи – мне расскажи, – устало вздохнула бабушка, – Ночь на дворе, пора спать, Воленька! Матка нонче тебе вон сколь прочла, неужто мало?

– Ну, пожалуйста...расскажи... про злую-презлую Бабу-Ягу! – продолжала канючить я.

Бабушка Дуня поворочалась в своей кровати.

– Я лучше тебе про добрую расскажу, – согласилась она.

– Разве Баба-Яга может быть доброй? – удивилась я.

– Может! – с готовностью ответила бабушка.

Евдокия Васильевна перевернулась на другой бок, чтобы в свете луны лучше видеть лицо внучки и принялась вспоминать историю из своего далёкого детства.

– На краю нашей деревни, у самой реки, стояла изба. От времени её бревенчатые стены покосились и потемнели. Завалинка обвалилась. Крыша покрылась мхом. Казалось, что домишко этот врос в самую землю. Летом он утонул в зелени. Зимой прятался в глубоком сугробе. Из-под снега торчала одна лишь печная труба.

В той избушке жила Баба-Яга. От старости она еле-еле ходила: шаркала ногами, опираясь на палку. Палкой этой она отгоняла собак.

В деревне Бабу-Ягу побаивались и обходили стороной. Говорили, что она промышляет заговорами и наводит порчу.

У деревенской детворы много хлопот. Забав тоже ни мало. Как-то раз зимой на реке, на свежий тонкий лёд вылетели сани с горы. Лёд проломился и трое ребят оказались в полынье. Огненный холод сковал до самых костей. Намокшая одежда превратилась в пудовые гири и потянула на дно. Из всех сил дети кричали и звали на помощь, но никто не слышал их! Барахтались, цеплялись за острые ледяные кромки, которые тут же обламывались... полынья разрасталась, а силы были на исходе. Казалось, что спасения нет!

Как вдруг ребята увидели, как Баба-Яга, ухватившись одной рукой за корягу, протянула им свою палку... Вытащила одного за другим всех троих. Привела в избу. Пока сохла мокрая одежда, посадила на печь – отогреваться. Напоила горячим отваром из трав.

В доме у неё было бедно: стол, шкаф, лавка. На стене фотография в рамке: женщина с мужчиной, в окружении четырёх рослых парней.

– Кто это? – спросили дети.

– Моя семья: мы с мужем и наши сыновья – со вздохом ответила Баба-Яга.

– Где они сейчас? – дети продолжали расспрашивать старушку.

– Погибли... Одна я осталась на свете век вековать..., – горестно ответила Баба-Яга...

Глаза бабушки Дуни наполнились слезами, и она замолчала.

– А что было дальше? – нетерпеливо спросила я.

– Дети, которых спасла Баба-Яга, выросли и создали семьи. У них появились свои дети и внуки.

– И я появилась? – догадалась я.

– Да, и ты, – ответила бабушка.

В своих «былях» бабушка Дуня частенько рассказывала о давешнем переселении нашего рода в Верх-Убу. О том, как невыносимо тяжёл и длителен был этот путь, длиною в несколько лет. Как зимовали переселенцы первую зиму и осваивали новые места в Рудном Алтае. Бабушка моя никогда не произносила слово «старообрядцы». Но мне часто доводилось слышать от соседей и земляков, что наши предки, будучи старообрядцами, прибыли в Сибирь откуда-то из Польши.

Разобраться в этом вопросе помог дядя Ваня.

Верх-Уба

В 1656 году на Руси была объявлена Никоновская церковная реформа. Проводилась она в целях унификации с греческими богослужениями и обрядами. На Московском Соборе «старая» вера была предана анафеме.

Полтаранины и Сергеевы остались в старой вере и за это были гонимы.

Справка: «...Великое множество торговых путей пролегло в Россию из Сибири. Иртыш являлся большой торговой дорогой, по которой ходили караваны из Средней Азии. Поводом для расширения русской границы вверх по Иртышу стал слух об обильных золотых россыпях близ джунгарского города Яркенд. Чтобы овладеть им по поручению Петра I была снаряжена экспедиция из Южной Сибири в Малую Бухарию.... В ходе этой экспедиции были основаны первые крепости на Иртыше: Ямышевская в 1715 году, Омская в 1716 году, Железинская в 1717 году, в 1718 году началось строительство Семипалатинской крепости. По приказу Петра I в 1720 году была отправлена в путь новая крупная экспедиция под началом гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева. Отряд Лихарева достиг озера Зайсан, однако подвергся здесь нападению джунгар и вынужден был отступить. На обратном пути, в том же 1720 году, при впадении реки Ульбы в Иртыш, в устье каменных гор, Лихарев заложил крепость,

которую назвал Усть-Каменной (ныне – город Усть-Каменогорск). ...От Усть-Каменной крепости на Алтай шла Колывано-Кузнецкая пограничная линия общей протяжённостью 852 километра. В пределах нашего края её опорными пунктами были Бобровский и Секисовский редуты, Верх-Убинский казачий форпост, возникший в 1737 году в устье реки Козлиха, в месте ее слияния с Убой. Его часто подтапливало, и по этой причине в 1747 году состоялась передислокация – форпост перенесли на левый берег реки Маралихи, впадавшей в реку Лосиху.

Необходимость создания пограничных линий и опорных пунктов вдоль границ с сопредельным государством определялась усилением агрессивных приготовлений со стороны последнего. В таких условиях чрезвычайно актуальную значимость приобретала задача хозяйственного освоения приграничных районов. А для начала эти районы надо было заселить.

...Семейства Полтараниных и Сергеевых, вместе с другими старообрядцами, прибыли на Алтай в XVIII веке на освоение окраин Российской империи. Архивные документы указывают даже точный год их прибытия – 1766 год.

Ранее они долго жили на острове Ветка (Река Сож, в границах современной Гомельской области, которая в XVII-XVIII вв. принадлежала Польше). Сюда они бежали, после раскола русской православной церкви в надежде сохранить свою старую веру. Царское правительство неоднократно пы-

талось «выкурить» их оттуда, применяя вооруженную силу. Но все попытки такого рода были малоуспешными.

Оптимальный выход из ситуации, когда решению вопроса заселения территории Прииртышья могли бы поспособствовать старообрядцы, нашла Екатерина II. В 1762 году она издала указ, предлагавший «ветковцам» (и не только им) поехать на Алтай. Им были обещаны налоговые послабления и другие льготы, в частности, по землепользованию.

«Поляки», приехавшие на Алтай (одни добровольно, другие – по принуждению), согласно высочайшему рескрипту, были расселены по семи деревням – Шемонаевской, Верхубинской, Секисовской, Бобровской, Красноярской, Екатерининке и Староалейской. География деревень и сел со старообрядческим населением постепенно расширялась. Появились деревни Малоубинка, Быструха, Александровка, Тарханка, Поперечное и другие.

Одновременно на Алтай ехали государственные (экономические) крестьяне из коренных губерний европейской России. На новых местах казаки, «поляки» и российские крестьяне селились порознь, не сливаясь. Крестьяне должны были кормить казаков, охранявших восточные рубежи империи и обслуживать потребности Колывано – Воскресенских заводов.

Заводы эти до 1747 года принадлежали Акинфию Демидову. Затем они были за большие деньги выкуплены Кабинетом ея Императорского Величества. Коронной собствен-

ностью (или кабинетской собственностью, или собственностью царской семьи) стали и земли Алтайского и Нерчинского округов (Забайкалье). Крестьяне, проживавшие здесь, были приписаны к заводам – отсюда их название: приписные. Они должны были выполнять ряд повинностей, самой тяжелой из которых была гужевая повинность. Зимой и летом на сереброплавильные заводы в Змеевке и Локте (ныне города Змеиногорск и Локоть соответственно) ехали сани и подводы, груженные «кормом» для этих заводов, то есть рудой.

Управление Коронными землями находилось в тесной связи с их административно-территориальной принадлежностью. До 1779 года алтайские земли входили в состав Тобольской провинции Сибирской губернии. В 1779 году была образована Колыванская область, которая через четыре года реорганизовалась в губернию. В 1796 она была упразднена, а земли её были приписаны к Тобольской губернии. В 1804 году учреждается Томская губерния, границы которой в дальнейшем подвергались корректировке. Менялись границы уездов и волостей, менялись и их названия. В 1894 году юго-западная часть Бийского уезда Томской губернии была реорганизована в Змеиногорский округ. В него вошли, наряду с другими, Александровская волость с центром в с. Шемонаиха и Владимирская волость с центром в с. Верх-Уба. Коронную собственность ликвидировала революция 1917 года.

Изначальное название деревни, где селились наши предки – Верхубинская, она же Лосиха. С обретением ею статуса

села закрепилось чуть измененное название – с. Верхубинское, сохранялось и название Лосиха. Со временем обиходным стало название Верх-Уба.

Население села довольно быстро росло: за столетие (с конца XVIII и по конец XIX в.) оно выросло почти в 10 раз – до 4,5 тысяч человек. В советское время вплоть до 1959 года население Верх-Убы оставалось примерно на том же уровне, затем оно стало стремительно сокращаться. Этому в немалой степени способствовала утрата Верх-Убой статуса райцентра».

С мая 1921 года Рудный Алтай входил в состав Киргизской АССР. С декабря 1936 года – в состав Казахской ССР. Верх-Уба до сентября 1939 года была частью Шемонаихинского района. Затем обрела статус центра одноименного района. В 1939 году центром Восточно-Казахстанской области (Рудного Алтая) стал город Усть-Каменогорск».

Полтаранины Аникей Федорович и Евдокия Васильевна

Они были ровесниками, с 1902 года. Поженили их шестнадцатилетними, в 1918 году. Воспитали шесть сыновей: Петр, Михаил, Андрей, Трифон, Артём, Иван.

Справка: «У Евдокии Васильевны с Аникеем Федоровичем, кроме шести сыновей была дочь, называли ее Марусей, родилась она в 1936 г. Умерла во младенчестве. Бабушка Дуня очень сожалела, что у нее не было дочери, с которой она могла бы общаться и которая могла бы стать ей помощницей».

Бабушка Дуня любила рассказывать про своего мужа Аникея. О его богатырской силе. Был случай, когда телега с мешками пшеницы застряла в грязи. Аникей помог коню вытянуть повозку.

К лошадям у деда Аникея было особое отношение. Конь – друг и помощник. Любил лошадей и мой папа.

...Однажды мне довелось бывать на сенокосе. Кобылица, на которой я должна была возить копны с сеном, никак не хотела меня слушаться. Папа, наблюдая мои мучения, давал советы, но я всё равно не могла справиться с лошадыю. Тогда он решил помочь. Оседлал непокорное животное и заставил пробежать её по кругу. После чего передал мне поводья. Лошадка безропотно повиновалась...

Бабушка Дуня рассказывала об умении деда Аникея делать красоту из самых простых вещей. В руках его спорилась любая работа. Он сам делал сыновьям игрушки. Шил из кожи, которую сам же и возделывал, «бутылы» – бродни⁴, шапки, тулупы, кушаки, телогрейки.

Мастерил посуду: ложки, чашки. Брил наголо свое многочисленное сыновье войско. Созданные дедом стол, топчан (деревянный диван), стулья, шкаф, лавки, сундуки, кованые железом, служили нам почти полвека.

Изготовление домашней утвари, одежды, обуви считалось «баловством», проведением досуга зимой. «Настоящая» работа, в понимании крестьян – пахать пашню, косить сено, убирать хлеб, выхаживать скотину – то, без чего семья не выживет.

До прихода Советской власти свободной земли в Верх-Убе было много. Кто сколько мог взять – бери. Но для этого нужно было изрядно потрудиться: выкорчевать лес, распахать целину.

У семейства Полтараниных была большая пашня, с деревянным срубом – «Лоскутиха». Молодёжь с весны до осени, жили в «Лоскутихе». Их основная работа – добыча хлеба. «Старики» (которым, зачастую, не было и сорока) оставались с малыми детьми в деревне. Ухаживали за огородом и скотиной. Излишек пшеницы, если таковой имел место быть,

⁴ Кожаная обувь. В верхней части (под коленями) "бутылы" подвязывались узкими ремнями, что исключало возможность попадания снега.

продавали на мельницу. На вырученные деньги покупали то, что не могли сделать сами: чугунные и металлические инструменты.

...Во второй половине сентября в Рудном Алтае после первых заморозков и холодных дождей приходит потепление. Природа замирает в преддверии зимы. На пару недель рассеиваются тучи, светит солнце, летят паутинки. Наступает «Бабье лето» – время уборки льна.

В дореволюционных деревнях России – рассада, высадка, уход, прополка, сбор, вымачивание, отбеливание льна – была целиком женской заботой. Дело, в высшей степени, трудоемкое и рискованное. Лён не терпит нарушение сроков, технологии производства и неудовлетворительных погодных условий.

От результативности женского труда зависел вопрос наличия (или отсутствия) одежды домочадцев. Дизайн, крой, шитье, вышивка – второй эшелон «легкого» труда, по времени проведения, относящегося к зимним работам, был также женским центром ответственности.

Бабушка Дуня рассказывала, что при «единоличном» хозяйстве» наша семья «крепко стояла на ногах». Зажиточность, в ту пору, ассоциировалась с трудолюбием, хозяйственностью, здоровьем. Бабушка частенько приговаривала, что не дай Бог снова жить при единоличном хозяйстве – это вечная каторга, а «нонче – благодать» – имея в виду восьми-

часовой рабочий день и пятидневную рабочую неделю, установленную Советской властью.

Папа, будучи в преклонном возрасте, однажды попросил маму испечь пирожки с лебедой. Она испекла, но они оказались совсем не вкусные... Но тогда, во время голодного неурожая 1932 года, когда пшеничные поля были сожжены засухой, пирожки с лебедой были любимым лакомством. Дедушка Аникей спасал во время голода семью тем, что ловил зверушек и рыбу. Был удачливым охотником. Бабушка рассказывала, что они ещё и соседских детишек подкармливали. Если бы не он, то вся семья погибла бы еще тогда, в эти страшные голодные годы почти пятилетнего неурожая и засухи (1929 -1934 гг.)

Папа, пережив голод в раннем детстве, всегда его боялся. Ужас и боязнь голода навсегда были посеяны в подсознание людей того поколения. Поэтому даже в хорошие времена наша кладовка была полна запасов впрок. Пока был жив папа, наша семья в разные годы держала скот, свиней, кроликов, кур, гусей, уток. Высаживали огород, картошку.

В тяжелые 90-е годы прошлого столетия, после развала СССР, мои родители, только что вышедшие тогда на пенсию, несколько лет не видели денег нового государства, в котором оказались. Как и многим сельчанам Восточно-Казахстанской области, выживать приходилось домашним хозяйством. На

выручку пришли смекалка, трудолюбие, крестьянская закалка.

...Как-то я спросила бабушку, любила ли она дедушку. Она мне ответила просто и совсем неромантически: «Кака така любовь? Нам про то думать некогда было... В то время считалось, что если мужик бабу жалеет, то значит и любит. Муж меня шибко жалел. Я, почитай, через каждый год в тягости ходила: дети появлялись один за другим. Аникей говорит мне, бывало: «Сам докошу, Дуняша, иди, отдохни!»

Про свою замужнюю жизнь и про своих сыновей бабушка рассказывала с величайшим удовольствием.

Братья, уже будучи взрослыми, любили пошутить про свое детство. Как скурили табак на чердаке, а мать их потом гоняла палкой, но никого так и не смогла догнать. Как дядя Андрей украдкой поедал мед. Как дяде Пете в первый раз выдали казенную армейскую форму, со скрипом сапоги и все мальчишки ему завидовали. Как дядя Миша, отличник учёбы, воспитывал младших братьев. Как мой папа помогал отцу в колхозе, а маленький дядя Артем – матери по хозяйству. Как дядя Ваня готовился к занятиям в школе: ходил по избе с книжкой и в голос повторял уроки...

Приход Советской власти

Справка: «Первого августа 1914 года Германия объявила войну России. Россия в союзе с Францией и Великобританией вступила в первую мировую войну против австро-германского блока. Вопреки желаниям правителей, развязавших войну, она приняла затяжной характер, длилась 4 года и 3,5 месяца (1914-1918 годы), в результате было убито и умерло от ран в 30 государствах-участниках войны 13,6 миллиона человек. В России были очень сильны антивоенные настроения. В действующую армию из Александровской и Владимирской волостей были мобилизованы сотни мужчин.

...Положение на фронтах и в тылу со временем всё более ухудшалось. В сёлах и деревнях нашего края, далёкого от фронта, война давала о себе знать: из-за недостатка рабочих рук, реквизиций – изъятия для нужд фронта в первую очередь лошадей, роста цен и спекуляции, подрывалось хозяйство не только бедноты, но и многих середняцких хозяйств. В деревнях углублялось имущественное неравенство, особенно между богатыми заимочниками («заимка» в Сибири означает дом с пашней) и сельскими пролетариями, преимущественно из среды не имевших собственной пашни и самостоятельного хозяйства и обреченных батрачить на местных богатых старожилов...

Известие о свержении самодержавия и отречении от цар-

ского престола Николая II в сёлах и деревнях нашего края было встречено и с тревогой, и с надеждой. Кто-то жалел последнего царя из династии Романовых, кто-то страшился неизвестности и неразберихи. Были и такие, кто верил в светлое будущее. Но все хотели и ожидали одного – прекращения войны, надеялись на улучшение жизни. Поначалу никаких особых перемен в жизни крестьян не последовало. Но по мере возвращения с фронта солдат-земляков, жизнь забурлила. Они принесли с собой идеи большевиков, эсеров, меньшевиков о переустройстве жизни, где власть была бы народной – справедливой. Новоявленные «переустроители» повели агитацию среди крестьян и распространяли листовки, призывающие к свержению самодержавия и установлению «народной демократической власти».

По сибирским меркам на момент утверждения Советской власти семья Аникея Федоровича и Евдокии Васильевны Полтараниных богатой не считалась: несколько коров с приплодом, 3 лошади, энное количество свиней, гусей, кур, уток... Огород в 50 соток и своя заимка с пашней под пшеницу и овес. Словом, семья среднего достатка, по тогдашней классификации...

Когда на единоличные подворья распространилась политика коллективизации, Аникей Федорович Полтаранин сопротивляться ей не стал. Против власти не пошел. Они вместе с женой сдали скотину в колхоз и стали колхозниками. В партию большевиков не вступил. Так, в архивной справке

(которую много лет позднее отыскал дядя Ваня в Москве, когда разыскивал сведения об отце, ушедшем на фронт) значится, что «пропал без вести Полтаранин Аникей Федорович, беспартийный, колхозник». У Родителей бабушки Дуни – Сергеевых судьба сложилась трагично. Их раскулачили и выслали из Верх-Убы.

Справка: «Сергеев Василий Карпович и его жена Меланья – родители бабушки Дуни – оказались вместе с младшими детьми Капитолиной и Аверьяном в Риддере (4-й район, Ульбастрой; при Советской власти – Лениногорск, Восточно-Казахстанская область). Меланья умерла в 1944 году. Василий Карпович пережил жену на 12 лет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.